

Про лисицынъ хвостъ.

Латить Лиса полемъ во весь духъ, хвостомъ собакъ обманываетъ, къ норѣ поспѣшаетъ. Добѣжала до норы, юркнула въ нее и затаилась. Собаки туда-сюда, нюхаютъ, лаютъ, царапаются: — нѣтъ, ужъ изъ норы Лису не достанешь!

А Лиса въ норѣ полеживаеъ да приговариваетъ: «Ножки, ножки, что вы дѣлали?» — «Мы все бѣжали да бѣжали, чтобы собаки Лисыньку не поймали!» — «А вы, глазки, что дѣлали?» — «Мы все глядѣли да глядѣли, чтобы собаки Лисыньку не съѣли». — «А вы, ушки, что дѣлали?» — «Мы все слушали да слушали, чтобы собаки Лисыньку не скушали.» — «А ты, хвостикъ, что дѣлалъ?» — «А я все по пнямъ, по колодамъ мотался, подъ ногами болтался, чтобы ты запуталась, упала, да къ собакамъ въ зубы попала.» — «А, такъ ты вотъ какой!» — закричала Лиса, и высунула хвостъ изъ норы: — «Бьште его, собаки!» Собаки ухватились за хвостъ да полхвоста Лисѣ и оторвали.

Отсидѣлась Лиса отъ собакъ въ норѣ, а какъ тѣ ушли, она вылѣзла и говоритъ: «Ну чтожъ, и хуже бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ».

Хоть и не пропала лисичкина голова отъ хвоста, а все-таки — безъ хвоста Лисѣ куда плохо: стыдно купой въ лѣсъ показаться. Стала Лиса думать да гадать, какъ бы ей изъ такого срама вывернуться. Бродить она по полянкѣ, глядь, — полъ кустикомъ Синичка гнѣздо свила и дѣтенышей вывела. «Ну, Синичка, я твоихъ дѣтенышей съѣмъ!» — «Не ѣшь ихъ, Лисынька, я тебѣ какую хочешь, службу сослужу». — «Хорошо, — говоритъ Лиса; — лети же ты сейчасъ въ темные лѣса и скликай всѣхъ лисицъ на широкую поляну. Скажи: ѣздила, молю, Лиса Патрикѣвна въ городъ Парижъ, куда какъ пріѣдешь, — угоришь, и хочеть объявить всѣмъ лисамъ новую моду».

Синичка полетѣла, и собралось на другое утро лисицъ видимо-невидимо, узнать про новую моду.

Пришла Лиса Патрикѣвна: рѣчь ведетъ по писаному, поклонъ кладетъ по ученому: «Ѣздила я, — говоритъ, — сударыни, въ

славный городъ Парижъ,—куда какъ прѣдешь, угоришь—и всѣ тамъ лисы безъ хвостовъ нынче ходятъ. И вправду: какой въ немъ, въ хвостѣ, толкъ; ни красы, ни радости. Я, какъ это увидала, сейчасъ и себѣ хвостъ обкарнала. Вотъ поглядите, какъ безъ хвоста красиво, просто — на диво!» Стали лисы на безхвостую Лису Патрикѣвну смотрѣть: одни хвалятъ, другимъ не нравится. А одна старая лиса смотрѣла, смотрѣла да и говоритъ: «А отчего, Патрикѣвна, у тебя на твоємъ огрызкѣ точно собачьи зубы видны? Не оттого-ли и такая мода проявилась, что ты, не по своей волѣ, безъ хвоста осталась?» Тутъ и другія лисы разглядѣли—и подняли Патрикѣвну на смѣхъ.

Какъ та ни отгрызалась, а пришлось ей со стыдомъ изъ лѣсу убираться.

Отчего Лисѣ конецъ пришелъ.

Сердитая-пресердитая бѣжитъ Лиса по дорогѣ: такой ей теперь срамъ, что въ лѣсѣ хоть носу не показывай. Вдругъ, видитъ она, что на лужайкѣ кувшинъ лежитъ. Подбѣжала она къ кувшину посмотрѣть, нѣтъ-ли въ немъ чего; только сунула въ него носъ, а вѣтеръ въ кувшинѣ какъ загудитъ! И чудится Лисѣ, будто кувшинъ гудитъ, выговариваетъ:

— У-у-у! Кушая куроцапка! За что Петю-Пѣтушка съѣла? — Какъ отпрыгнуть отъ кувшина Лиса: «А тебѣ,—спрашиваетъ,— кувшинище-дурачище, что за дѣло?» Молчитъ кувшинъ. Только опять сунула въ него Лиса носъ,— онъ опять загудѣлъ:

— У-у-у! Куроцапка! Зачѣмъ старуху съѣла и косточки въ тряпку завертѣла? — «А ты, кувшинище-дурачище, почему знаешь? Да коли и знаешь, зачѣмъ, пустая голова, на весь свѣтъ болтаешь?» Молчитъ кувшинъ. Только Лиса опять къ нему подошла,— онъ какъ загудитъ громче прежняго:

— У-у-у! Лиходѣйка! Зачѣмъ Зайчика съ Медвѣдемъ да Волкомъ-Евстифеейкой съѣла? — Тутъ ужъ Лису злость совсѣмъ разобрала. «Ну, постой-же ты, кувшинище-злodeйище: я съ тобой справлюсь. Коли такъ тебя оставить, ты меня по всему свѣту ославишь!»

Схватила Лиса кувшинъ, привѣсила его за веревку себѣ на шею и понесла къ рѣчкѣ: «Вотъ, какъ утоплю тебя, такъ рассказывай про меня рыбамъ да ракамъ!» Стала Лиса кувшинъ топить,— онъ налился водой, пошелъ ко дну, да и ее съ собой въ воду утащилъ.

Тутъ Лисѣ Патрикѣвнѣ и конецъ пришелъ!

